

ЕЩЕ РАЗ О ЗАГАДКЕ ТАВРИЧЕСКОЙ ЗВЕЗДЫ

Вот уже полтора века пушкинисты пытаются дознаться, о какой «деве юной» Пушкин писал в финале крымской элегии «Редеет облаков летучая гряда» (1820; заглавие в рукописи «Таврическая звезда»; далее РОЛГ):

Редеет облаков летучая гряда;
 Звезда печальная, вечерняя звезда,
 Твой луч осеребрил увядшие равнины,
 И дремлющий залив, и черных скал вершины;
 Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
 Он думы разбудил, уснувшие во мне.
 Я помню твой восход, знакомое светило,
 Над мирною страной, где всё для сердца мило,
 Где стройны тополы в долинах вознеслись,
 Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
 И сладостно шумят полуденные волны.
 Там некогда в горах, сердечной думы полный,
 Над морем я влачил задумчивую лень,
 Когда на хижину сходила ночи тень,
 И дева юная во мгле тебя искала,
 И именем своим подругам называла. (II, 157)¹

Особый интерес к последним трем стихам элегии был вызван тем, что Пушкин не хотел предавать их тиснению, а после того, как они все-таки, вопреки его желанию, были напечатаны в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год, разгневался на А.А.Бестужева, редактора альманаха. «Конечно я на тебя сердит, — писал ему Пушкин, — и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра. Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов Элегия не имела бы смысла. Велика важность!..» (XIII, 84–85).² Полгода спустя, когда Булгарин в журнале «Литературные листки» процитировал слова Пушкина о том, что в «Бахчисарайском фонтане» он «суеверно пере-

¹ Все произведения и письма Пушкина здесь и далее цитируются по большом академическому собранию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959, с указанием тома и страницы в скобках после цитаты.

² Письмо от 12 января 1824 г.

кладывал в стихи рассказ молодой женщины» (XIII, 88), Пушкин снова напомнил Бестужеву об инциденте с элегией:

Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в [это время] таком случае пишу элегии, как другой мажет <?> <нрзб.> свою <?> кровать <?>. Но приятельское ли дело вывешивать на показ мокрые мои простыни? Бог тебя простит! но ты острамил меня в нынешней Звезде — напечатав 3 последние стиха моей Элегии; чорт дернул меня написать еще к стати о Бахч.<исарайском> фонт.<ане> какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными — журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает [обо мне], видя с какой охотою беседую об ней с одним из п.<етер>б.<ургских> моих приятелей. Обязана ли она знать, что она мною не названа что письмо распечатано и напечатано Булгариным — что проклятая Элегия доставлена тебе чорт знает кем — и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики (XIII, 100—101).¹

Уже первые биографы Пушкина, основываясь на его письмах Бестужеву и на крымских воспоминаниях в целом ряде поэтических текстов, пришли к заключению, что в Крыму он был в кого-то влюблен и что эта чистая «утаенная любовь» на долгое время стала главной психологической пружиной пушкинского творчества. П.И.Бартенев в работе 1861 года писал:

К воспоминаниям о жизни в Гурзуфе несомненно относится тот женский образ, который беспрестанно является в стихах Пушкина, чуть только он вспомнит о Тавриде, который занимал его воображение три года сряду, преследовал его до самой Одессы, и там только сменился другим. В этом нельзя не убедиться, внимательно следя за стихами того вре-

¹ В данной работе мы не касаемся проблемы тождества «девы юной» РОЛГ и той «молодой женщины», которая якобы явилась вдохновительницей «Бахчисарайского фонтана». Великолепный критический обзор существующих точек зрения на биографический подтекст поэмы см. в комментариях О.А.Проскурина (Пушкин. Сочинения / Комментированное издание под ред. Дэвида М.Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. М., 2007. Ч.1. С.279—283).

мени. Но то была святыня души его, которую он строго чтит и берег от чужих взоров, и которая послужила внутренней основой всех тогдашних созданий его гения. Мы не можем определительно указать на предмет его любви; ясно однако, что встретил он его в Крыму и что любил он без взаимности.¹

В начале 1880-х годов А.И.Незеленов вслед за Бартеневым приписывает Пушкину «возвышенное, идеально-чистое чувство любви к какому-то неизвестному нам лицу», относя к «таинственно и свято любимой им девушке» две крымские элегии: РОЛГ и «Увы! зачем она блистает» (1820). Эта «таинственная любовь поэта в Тавриде» — утверждал он — «ярким лучом прошла ... по всей его жизни и по всей деятельности».² Тогда же П.П.Каратыгиным была предложена и первая кандидатура на роль предмета «утаенной любви» и адресата РОЛГ — Елена Николаевна Раевская, одна из четырех дочерей генерала Н.Н.Раевского, в семье которого Пушкин прожил три недели в Гурзуфе. По возрасту она более других сестер подходила к категории «юная дева»: в 1820 г. ей было шестнадцать лет, тогда как Екатерине уже двадцать три, Марии (будущей княгине Волконской) четырнадцать с половиной (вариант: двенадцать с половиной³), а Софии — еще на год меньше. Вот что писал Каратыгин о Елене (или Алене, как ее звал отец):

...шестнадцатилетняя красавица, высокая, стройная блондинка с прелестными голубыми глазами, скромная, застенчивая — произвела на поэта глубокое — не чарующее, но вернее — отрезвляющее впечатление. В ней, в течение двух, трех лет он видел воплощение музыки, вдохновлявшей поэта к созданию чистейших, девственно-прелестных стихотворений. Не только в стихотворениях 1820 г., но и во многих произведениях Пушкина последующих лет мы находим строфы, имеющие автобиографическое значение. Елена Николаевна,

¹ П.И.Бартенев. Пушкин в Южной России. М., 1914. С.41

² Собрание сочинений профессора А.И.Незеленова. Т.I: Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности. (1799—1826). Историко-литературное исследование. СПб., 1903. С.75—77.

³ Год рождения Марии Раевской в разных источниках указывается по-разному: 1805 или 1807. Вопрос, кажется, решается фразой из письма Н.Н.Раевского-старшего графу А.Н.Самойлову от 10 января 1807 г.: «У меня четыре дочери» (Архив Раевских. Редакция и примеч. Б.Л.Модзалевского. СПб., 1908. Т.I. С.54). Из этого мы можем заключить, что к началу 1807 г. уже родилась младшая дочь Раевских София, и, следовательно, Марии тогда было не меньше года.

зная в совершенстве английский язык, переводила на французский Байрона и Вальтер Скотта, но недовольная своими трудами, разрывала свои переводы. Пушкин, найдя случайно клочки бумаги, обнаружил тайну скромной переводчицы... Расставшись с семейством Раевских, Пушкин любил вызывать в своем воображении этот прелестный призрак, припоминая самые маловажные эпизоды своего пребывания в семействе Раевских. <...> Таким образом, великий поэт долго не расставался с воспоминаниями о своей чистой идеальной любви к Е.Н.Раевской, но оно не удерживало Пушкина от разгульного образа жизни в кругу разнообразного «пестрого» населения Кишинева и Одессы.¹

¹ П. К <аратыгин>. Наталья Николаевна Пушкина в 1831—1837 гг. // Русская старина. 1883. №1 (январь). С.51—52, 54. Еще ранее П.А.Ефремов указал, что Елена Раевская могла быть адресатом другой крымской элегии «Увы! зачем она блистает» (см. его примечания в кн.: Сочинения А.С.Пушкина. Изд. 8-е, исправленное и дополненное, под редакцией П.А.Ефремова. М., 1882. Т.1. С.508), в которой говорится о юной девушке, обреченной «жизнью молодой ... недолго наслаждаться». С этой атрибуцией и по сей день согласны многие исследователи, поскольку Елена страдала чахоткой и считалась обреченной на раннюю смерть. См., например, замечание Ю.М.Лотмана, отнесшего к Елене еще и стихи из «Бахчисарайского фонтана»: «Я помню столь же милый взгляд / И красоту еще земную» (Ю.М.Лотман. Посвящение «Полтавы» (адресат, текст, функция) // Ю.М.Лотман. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С.263, прим.) со ссылкой на письмо В.И.Туманского от 5 декабря 1823 года из Одессы, где он встречался с семьей Раевских: «Елена сильно нездорова; она страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцует, но любит присутствовать на балах, которые некогда украшала» (Письма Вас. Ив. Туманского и неизданные его стихотворения. Чернигов, 1891. С.54). О недуге Елены писал в своих воспоминаниях граф Олизар, познакомившийся с семейством Раевских зимой 1820-1821 года и сватавшийся к ней в 1828 г.: «Елену можно бы было сравнить с цветком кактуса, так как она, подобно последнему, после пышного расцвета быстро увяла и, пораженная неизлечимой болезнью, влачила тяжелую, исполненную страданий жизнь» (Мемуары графа Олизара // Русский вестник. Т.228. 1893. №9 (сентябрь). С.102). Отказав Олизару, Елена, как сообщил Н.Н.Раевский-старший сыну Николаю, «по нездоровью своему уже положила остаться в девках» (Архив Раевских. Т.1. С.443; письмо от 3 апреля 1829 г.). Л.П.Гроссман не без оснований думал, что воспоминаниями о Елене Раевской навеяна строфа «Осени»:

«Как это объяснить? мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. — На смерть осуждена,

Гипотеза Каратыгина не получила широкой поддержки,—наверное, в первую очередь потому, что о Елене Раевской мы знаем намного меньше, чем о ее сестрах. Только М.О.Гершензон и П.К.Губер, искавшие «утаенную любовь» Пушкина не среди сестер Раевских, а среди петербургских красавиц и потому считавшие, что в собственно крымских элегиях эротическое начало отсутствует, связали РОЛГ с образом Елены Раевской,¹ но они остались в меньшинстве. Массовым сознанием на многие десятилетия овладела разработанная П.Е.Щеголевым эффектная легенда, согласно которой «мучительным и таинственным предметом любви Пушкина на юге в 1820 и следующих годах» была Мария Раевская.² Ее Щеголев отождествил как с «элегической красавицей» РОЛГ, так и с той женщиной, чей рассказ Пушкин якобы

Бедняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устах увянувших видна; —
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет. — На лице еще багровый цвет —
Она жива еще сегодня, — завтра нет».

(Л.Гроссман. Пушкин. М., 1939. С.218). С другой стороны, Б.В.Томашевский пытался доказать, что стихотворение «Увы! зачем она блистает» в равной мере можно отнести и к Екатерине Раевской, которая в 1820 г. была больна (Б.В.Томашевский. «Таврида» Пушкина // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. Вып.16. Л., 1949. С.122; ср. также: С.А.Кибальник. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990. С.185—186). Следует отметить, однако, что последние упоминания о нездоровьи Екатерины в семейной переписке Раевских, которую цитирует Томашевский, датированы июнем—началом июля 1820 г., тогда как Пушкин встретился с нею в Гурзуфе лишь 19 августа. Судя по тому, что Н.Н.Раевский-старший называет болезнь Екатерины «расслаблением» и рекомендует ей «железные воды» (Архив Раевских. Т.I. С.516—517, 524), речь шла о нервном расстройстве или анемии, но никак не о неизлечимой, угрожающей жизни легочной болезни, при которой минеральные воды считались противопоказанными (см.: К.Грум. Описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний русских и заграничных. В двух частях. СПб., 1855. Ч.1. С.67 et passim).

¹ М.О.Гершензон. Северная любовь А.С.Пушкина // Вестник Европы. Т.249. 1908. Кн.1 (январь). С.286. П.К.Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. СПб., 1923. С.76—77.

² См.: П.Е.Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. XIV. СПб., 1911. С.53—193. В дальнейшем работа многократно перепечатывалась под разными названиями. Последняя редакция: П.Е.Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.; Л., 1931. С.150—254. Гипотезе Щеголева предшествовало замечание Н.Ф.Сумцова, писавшего, что предметом крымской возвышенной любви Пушкина могла быть либо Елена, либо Мария Раевская (Н.Сумцов. Этюды об А.С.Пушкине. Вып. 1-й. Варшава, 1893. С.33).

переложил в «Бахчисарайском фонтане».¹ По саркастической оценке М.Л.Гофмана, «Щеголевская легенда известна каждому гимназисту VII класса и принята и широкой публикой и пушкинизмом, и каждый новоиспеченный пушкинист считает своим долгом «внести свой вклад» и прибавить еще одно стихотворение к циклу стихов, якобы связанных с «утаенной любовью» к Раевской,—иначе говоря, еще более запутать вопрос и подменить истину о Пушкине легендой».²

Параллельно с «мариинской партией» в пушкинистике XX века сформировалась и партия «екатерининская»,³ к которой принадлежали, в частности, упомянутый выше М.Л.Гофман⁴ и Б.В.Томашевский. Последний в 1949 г. опубликовал документ, полностью разъяснивший, по убеждению исследователя, кого именно разумел Пушкин в последних строках РОЛГ, — фрагмент письма Михаила Федоровича Орлова жене Екатерине Николаевне (в девичестве Раевской) от 23 июля 1823 года, где говорилось:

Au milieu de ce tas d'affaires, les unes plus ennuyeuses que les autres, votre image se présente à moi comme une amie et je me rapproche de vous ou du moins je crois me rapprocher dès que je vois la fameuse Etoile que vous m'avez indiquée. Vous pouvez être sûre qu'au moment où elle se lève sur l'horizon je guette son apparition sur mon balcon» («Среди кучи дел, одни докучнее других, я вижу твой образ как образ милой подруги и приближаюсь к тебе или воображаю тебя близкой всякий раз, как вижу достопамятную Звезду, которую ты мне указала. Будь уверена, что едва она восходит над горизонтом, я ловлю ее появление с моего балкона».)⁵

¹ П.Е.Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е... С.202—205.

² Проф. М.Л.Гофман. Пушкин — Дон-Жуан. Париж, 1935. С.46. Характерным примером некритического усвоения идей Щеголева может служить специальная монография: Б.М.Соколов. М.Н.Раевская—княгиня М. Волконская в жизни и поэзии Пушкина. М., 1922.

³ Впервые гипотеза о любви Пушкина к Екатерине Раевской, отразившейся в РОЛГ, «Нереиде» и некоторых других стихотворениях, была в острой форме высказана киевским исследователем А.М.Лободой в статьях «А.С.Пушкин в Каменке» (Университетские известия. 1899. №5: Памяти Пушкина. Киев. Отд. II. С.96) и «Пушкин и Раевские» (Пушкин (Библиотека великих писателей под ред. С.А.Венгерова). СПб., 1908. Т.2. С.106—107).

⁴ См.: Проф. М.Л.Гофман. Пушкин — Дон-Жуан. С.34—38.

⁵ Цит. по: Б.В.Томашевский. Пушкин. Кн 1 (1814—1823). М.; Л., 1956. С.488, прим.; перевод автора. В первой публикации документа французский оригинал был опущен (Б.В.Томашевский. «Таврида» Пушкина. С.121).

Письмо М.Ф.Орлова убедило многих пушкинистов в том, что «девой юной» РОЛГ была Екатерина Раевская. Ю.М.Лотман, например, полагал это бесспорно доказанным фактом.¹ «После исследования Томашевского,—утверждает В.М.Есипов,—можно считать установленным, что женщина, к которой обращена эта элегия, звалась Екатериной».²

Но так ли это?

Нам кажется, нет, ибо Орлов ничего не говорит о том, что указанная Екатериной звезда может быть названа ее именем. Насколько мы можем судить, не встречается имя Екатерина и в астронимике,—как древней, так и современной Пушкину. Правда, В.В.Набоков сделал попытку разрешить противоречие, предположив, что Екатерина Раевская, красавица, подобная Венере (“a very Venus in beauty”), наверное, отождествляла себя с Кипридой и в шутку приветствовала вечерний восход Венеры ученой игрой с именами: “katharos and Kypris, Kitty R. and Kytheria”.³ Однако это всего лишь беспочвенная догадка, притом заведомо недобросовестная, так как она основана на игнорировании правильных ударений и произносительных норм. По сути дела, из письма Орлова следует лишь, что у Екатерины была какая-то своя заветная звезда или планета, появление которой на вечернем небосклоне имело для них с мужем некий важный интимный смысл. Но подобные же заветные звезды могли быть и у других сестер Раевских, чьи имена, в отличие от имени Екатерины, имеют прямые астронимические соответствия.

Вопрос о «звездных» параллелях к имени Мария уже поднимался в пушкинистике.

«Через И.Н.Розанова мы узнали,—писал Б.М.Соколов,—что Вячеслав Ив. Иванов, толкуя в руководимом им Пушкинском семинарии это стихотворение [РОЛГ], <...> объяснил, что в католическом мире Венера (Таврическая звезда) носит, между прочим, название “Звезды Марии”».⁴ Малограмотное объяснение Соколова попробовал уточнить В.В.Вересаев, писавший:

От М. О. Гершензона я слышал, что Вяч. Ив. Иванов толкует разбираемое место так: в средневековых католических

¹ Ю.М.Лотман. Посвящение «Полтавы» (адресат, текст, функция). С.261.

² В.М.Есипов. Пушкин в зеркале мифов. М., 2006. С.51.

³ Aleksandr Pushkin. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. II: Commentary and Index. Princeton University Press, 1990. P.125.

⁴ Б.М.Соколов. М.Н.Раевская—княгиня М. Волконская в жизни и поэзии Пушкина. С.23—24.

гимнах дева-Мария называется *stella maris* (звезда моря), а *stella maris* было название планеты Венеры. Мне такое объяснение представлялось слишком ученым и громоздким: ну, где было знать Пушкину и девицам Раевским, как называли деву-Марию средневековые католические гимны? Однако, веское подтверждение мнению Вяч. Ив. Иванова мы находим в черновике Пушкинского «Акафиста К. Н. Карамзиной»:

Святой Владычице,

Звезде морей, Небесной Деве. . . [III, 597]

Значит, Пушкину было известно название девы-Марии — *stella maris*.¹

К сожалению, В.В.Вересаев не исправил главную ошибку Вячеслава Иванова (или кого-то из посредников) и не указал, что словосочетание *Stella maris* (или *Maris stella*) —проминация Девы Марии, считавшаяся переводом древнееврейского имени Мариам,—никогда не было и не могло быть названием Венеры как вечерней звезды. Католическая традиция, восходящая к отцам церкви, сопоставляет Деву Марию к путеводной звезде, с помощью которой христианин должен провести «кораблик своей души» через бурное море искушений и грехов в гавань вечного спасения. «Смотри на звезду, взывай к Марии» (“*respice stellam, voca Mariam*”)—гласил рефрен знаменитой 17-й главы второй проповеди Св. Бернара Клервоского “*De laudibus Virginis Matris*”, где уподобление Богоматери «звезде моря» развернуто в выразительную аллегорическую картину.² Соответственно, в средневековой астрономике “*Stella maris*” стало одним из общеупотребительных названий Полярной звезды, которая почти не движется при суточном вращении звездного неба, является удобным ориентиром при навигации и поэтому считается символом устойчивости, неизменности, веры, надежды, любви, добродетели и спасения.³ В XV веке Св.Бернардин посвятил сопоставлению Девы Марии и Полярной звезды большую часть

¹ В.В.Вересаев. Таврическая звезда // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 37. Л., 1928. С.124.

² Sancti Bernardi abbatis Clarae-Vallensis opera omnia... Editio quarta, emendata et aucta. Paris, 1839. Vol.III. P.1683—1684. О воздействии этой аллегории на литературу позднего Средневековья и в том числе на «Рай» Данте см.: Piero Boitani. The Tragic and the Sublime in Medieval Literature. Cambridge University Press, 2010. P.193—194.

³ См., например, в оде Н.М.Карамзина «К добродетели»: «Оно [северное сияние] угасло—но блистает / Еще Полярная звезда, / Так Добродетель никогда / Во мраке нас не оставляет!» (Н.М.Карамзин. Полное собрание стихотворений. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Ю.М.Лотмана. М.; Л., 1966. С.295).

одной из проповедей;¹ в специальной литературе XVIII и XIX веков о синонимичности названий *Stella maris* и *Stella polaris* говорится как о факте, хорошо известном читателю.² Таким образом, если Пушкин в последних строках РОЛГ подразумевал Марию и “*Stella maris*”, то ключом к разгадке становилось само название альманаха, где элегия была впервые напечатана.

«Мариинскую» гипотезу, однако, приходится отвергнуть—прежде всего потому, что пушкинское описание «Таврической звезды» в РОЛГ к Полярной звезде не применимо: у Пушкина «вечерняя звезда» восходит, тогда как Полярная звезда всегда стоит на одном месте; у Пушкина луч звезды осеребряет залив и горы, тогда как Полярная звезда светит не очень ярко и ничего осеребрить, конечно же, не может. Кроме того, очень трудно себе представить, чтобы четырнадцатилетняя Мария Раевская изучала средневековых экзегетов или астрономические справочники. Навряд ли был знаком с ними и молодой Пушкин.

Другое дело—античная мифология, в которой, как заметил Б.К.Губер, имеется «миф о превращении в звезду Елены Спартанской. Этот миф могли знать и сестры Раевские, и Пушкин. Наконец, поэту еще со времени лицейских уроков должна была быть известна Горацянская строка:

... fratres Helenaе, lumina [sic! правильно: lucida] sidera.

По всем этим соображениям, «Таврическая звезда» скорее всего должна быть относима к Елене Раевской».³

Над ссылкой Губера на стих Горация (Оды. I, 3, ст.2; букв. пер.: «братья Елены, яркие звезды») посмеялся М.Л.Гофман, справедливо указавший, что «Гораций говорит о созвездии Кастора и Поллукса, а не о звезде Елены».⁴ Очевидно, никто не поверил и в существование мифа о превращении Елены Прекрасной в звезду, и напрасно: такой миф действительно существует, причем главным его источником является трагедия Еврипида «Орест», которую и Пушкин, и сестры Раевские могли читать во французском переводе. Прочитируем из него слова Аполлона в финале трагедии, возвещающие судьбу Елены ее убийцам, Оресту и Пилладу:

¹ Sancti Bernardini sehis ordinis seraphici minorum Sermones eximii de Christo domino... Venetiis, 1745. Т.4. P.73. Подробнее об этом см.: L'abbé Barbier. La Sainte Vierge d'après les pères. Lyon; Paris, T.I. P.79—91.

² См., например: Antonie Lartigaut. Sphere historique: ou Explication des signes du zodiaque, des planets, et des constellations. Paris, 1716. P.249; Richard Hinckley Allen. Star-names and Their Meaning. N.Y.; London, 1899. P.453—454.

³ П.К.Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. С.77.

⁴ Проф. М.Л.Гофман. Пушкин — Дон-Жуан. С.58, прим.4.

[Hélène] est cet astre que vous voyez dans les cieux; elle vit encore et n'a point succombé sous vos coups. ... Assise dans les cieux auprès de Castor et de Pollux, elle sera désormais un signe favorable aux Nautonniers. ¹

[букв. пер.: [Елена] — это та звезда, которую вы видите в небесах; она по-прежнему жива, и не пала под вашими ударами. ... Восседая на небесах рядом с Кастором и Поллуксом, она отныне будет благоприятным знаком для мореплавателей]

Та же версия была зафиксирована в популярном французском мифологическом словаре:

“...elle [Hélène] fut enlevée par Apollon et placée parmi les étoiles”² (букв. пер.: «ее [Елену] забрал Аполлон и поместил среди звезд»).

Звезда Елены фигурирует и в нескольких латинских текстах—например, в «Естественной истории» Плиния (II, 37) и в «Фиваиде» Стация, но здесь она, в отличие от звезд ее братьев, становится провозвестницей несчастья и даже слетает с небес на мачты и паруса кораблей во время шторма.³ У того же Стация в «Сильвах» (III, 2) поэт, отправляясь в плавание, просит близнецов Диоскуров сопроводить его корабль своими огнями и гнать прочь «штормовую звезду

¹ Les tragédies d'Euripide, traduites du Grec, par M. [Pierre] Prevost. Paris, 1782. T.I. P.260.

² Pierre Chompré. Dictionnaire portatif de la fable. Paris, 1801. T.1. P.479.

³ Ср. во французских переводах Плиния и Стация: “...quand l'étoile est jumelle, c'est un excellent présage, et l'augure d'une heureuse navigation. On croit que son apparition met en fuite cette autre étoile funeste et menaçant, qu'on nomme Hélène” (Histoire naturelle de Pline traduite en françois, avec le texte latin... Paris, 1771. P.131; букв. пер.: «...когда появляется двойная звезда, это прекрасное предзнаменование, предвестница счастливого плавания. Считается, что ее появление обращает в бегство другую—зловещую и грозную звезду, носящую имя Елены). “Tel, dans une nuit ténébreuse, battu par les noirs tourbillons du Corus, un vaisseau sait qu'il va périr, lorsque l'étoile d'Hélène a lui à travers les voiles déjà condamnées, et a chassé devant elle ses frères de Thérapnée” (Stace, Martial, Manilius, Lucilius Junior, Rutilius, Gratius Faliscus, Némésianus et Calpurnius. Oeuvres complètes avec la traduction en français, publiées sous la direction de M.Nisard. Paris, 1812. P.211; букв. пер.: «Так, темной ночью, корабль, разбитый черными вихрями Коруса, знает, что он обречен, потому что звезда Елены его уже приговорила, прорвав паруса, и отогнала прочь своих братьев из Терапны»).

сестры» (“*nimbosa sororis astra*”). Французский переводчик заменил «штормовую звезду» на «зловещие огни» (“*les feux sinistres*”), а «сестру» на «роковую красавицу» (“*la beauté fatale*”), виновную в разрушении Илиона.¹ Весьма вероятно, что на эту замену его вдохновил один из «Сонетов к Елене» Ронсара (I, 3), где искусно обыгрывается латинский вариант мифа о звезде (более ранний вариант: огнях) Елены Прекрасной. С ней поэт сравнивает глаза своей возлюбленной, носящей то же «роковое имя», воспевая счастье быть несчастным и страдать от любви к недоступной, холодной красавице:

Heureux celui qui souffre une amoureuse peine
Pour un nom si fatal: heureuse la douleur,
Bien-heureux le torment, qui vient pour la valeur
Des yeux, non pas des yeux, mais de l'astre [des flames] d'Helene.²

[букв. пер.: «Блажен тот, кого терзает любовная боль / из-за столь рокового имени: блаженно страдание, / вдвойне блаженна мука, которую причиняют / глаза, нет не глаза—звезда [огни] Елены]

Как пояснял первый комментатор Ронсара Николая Ришеле (Nicolas Richélet), речь здесь идет о чудесном огне (свете), дурном предзнаменовании для мореплавателей, о котором писал Плиний (“*un feu prodigieux et de mauvais presage pour les Mariniers, ce dit Pline*”), а общий смысл сонета сводится к следующему: Ронсар «воспевает страдания тех, чья любовница носит имя Елены. ... Согласно стихам, которые дают определение любви, это решимость перенести все возможные муки ради единственного объекта прекрасного. ... Нужно сказать, что его Дама столь же целомудрена, сколь прекрасна».³ Поскольку Пушкин, как мы знаем, был весьма низкого мнения о поэзии Ронсара,⁴ у нас нет больших оснований предпола-

¹ *Silves de Publius Papinius Stace, Traduit ... avec le texte et des notes, par M. S. Delatour. Paris, An XI (1802). P.177.*

² *Ronsard. Oeuvres complètes. Édition établie, présentée et annotée par Jean Céard, Daniel Ménager et Michel Simonin. Paris, 1993 (Bibliothèque de la Pléiade). P.342, 1363 (комментарий).*

³ *Oeuvres de Pierre de Ronsard, Gentilhomme Vandosmois, Prince des Poetes François. Paris, 1617. P.482–483.*

⁴ См. об этом: Б.В.Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960. С.101–102; Л.И.Вольперт. Ронсар // Пушкин. Исследования и материалы. Т.XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С.293–294. Справедливости ради заметим, что все негативные отзывы Пушкина о Ронсаре относятся к 1830 годам, когда у него сложилась целостная система взглядов на историю французской поэзии,

гать его раннее знакомство с «Сонетами к Елене», но какие-то общие представления о существовании поэтической традиции, связывающей Елену Прекрасную с необычайной таинственной звездой, носящей ее имя, а звезду Елены, в свою очередь,—с образом идеальной возлюбленной, он вполне мог получить еще в лицейские годы.

Поскольку звезда Елены, в отличие от звезд ее братьев, не ассоциировалась с каким-либо конкретным небесным телом, ученые позитивистской эпохи оживленно обсуждали, что же могли иметь в виду древние—огни Св. Эльма (как полагал еще Декарт¹), метеоры, кометы, блуждающие звезды или шаровые молнии.² Однако имен-

отчасти полемическая по отношению к молодым французским романтикам, считавшим именно Ронсара своим литературным праотцом. В Лицее же он должен был читать стихи Ронсара в учебных целях, как памятник французской поэзии, и что-то из прочитанного не могло не отложиться в его памяти. В этой связи следует, на наш взгляд, внимательнее отнестись к предположению, что в лицейском франкоязычном стихотворении “Stances” (“Avez-vous vu la tendre rose...”) Пушкин подражал оде Ронсара “À sa maîtresse” (“Mignonne, allons voir si la rose...”) — Н.П.Дашкевич. Пушкин в ряду великих поэтов // Университетские известия. 1899. №5: Памяти Пушкина. С.146; Ю.И.Ореховацкий. Пушкинское подражание Ронсару (К вопросу о французских стихах А.С.Пушкина) // Пушкинский сборник. Л., 1977. С.134—138. Л.И.Вольперт в указанной выше статье и авторы комментария к “Stances” в новейшем собрании сочинений Пушкина (А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т.I: Лицейские стихотворения 1813—1817. СПб., 1999. С.622) утверждают, что очевидное тематическое сходство двух текстов (в обоих расцвет и увядание розы сравниваются с расцветом и будущим увяданием желанной красавицы, которой предлагается сделать из этого понятия какие выводы) объясняется тем, что к началу XIX века данная тема давно стала общим местом французской поэзии. Однако, как вполне убедительно показал Ю.И.Ореховацкий, пушкинские “Stances” связаны с “À sa maîtresse” не только темой, но и метром, словарем (в частности, совпадают три рифменных слова на одних и тех же позициях) и «логико-эмоциональной композицией». Добавим также, что у Пушкина, как и у Ронсара, лирический герой обращается к своей возлюбленной на «вы»—очевидный анахронизм для поэзии конца XVIII века. Подражание тем более вероятно, что до 1820-х годов ода “À sa maîtresse” была самым известным стихотворением Ронсара, положенным на музыку (см. текст с нотами: Anthologie française, ou Chansons choisies, Depuis le 13e Siècle jusqu’ à présent. Paris, 1765. Т.I. P.27—28) и многократно антологизированным. Так, Мармонтель в авторитетном труде «Элементы литературы» приводит его как лучший образец «анакреонтической оды» (Marmontel. *Éléments de littérature*. Paris, 1787. Т.I. P.200).

¹ Oeuvres de Descartes publiées par Victor Cousin. Paris, 1824. T.5. P.253.

² См., например: Th.Henry Martin. *La foudre, l'électricité et le magnétisme chez les anciens*. Paris, 1866. P.224, 230—232; Idem. *La foudre et le feu Saint-Elme*

но отсутствие конкретной астрономической привязки давало большую свободу для всевозможных мифопоэтических применений. Так, в огромном компендиуме древних легенд и мифов, составленном Антуаном Кур де Гибелином (Antoine Court de Gébelin, 1719–1784), утверждалось, что звезда Елены—это не что иное, как название Луны:

Hélène, nom de la Lune, qu'ils changerent ensuite en Selene, nom vulgaire de la Lune, tandis que cet Astre continue de s'appeller Hélène dans les fables allégoriques.¹

[букв. пер.: «Елена, имя Луны, которое впоследствии заменили на Селену, вульгарное имя Луны, тогда как в аллегорических рассказах эту Звезду продолжают называть Еленой]

Полное отождествление Елены и Селены представляет для нас особый интерес, поскольку пейзаж в РОЛГ написан так, что звезду, его освещающую, — если бы не эпитет «вечерняя», отсылающий к Венере-Весперу, — следовало бы считать луной:

Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.²

dans l'antiquité // Revue archéologique. Nouvelle série. Vol. XIII. 1866 (Janvier à Juin). P.168–173; Karl Jaisle. Die Dioskuren als Retter zur See bei Griechen und Römern und ihr Fortleben in christlichen Legenden. Tübingen, 1907. S.17–21; Arthur Bernard Cook. Zeus God of the Bright Sky. Cambridge, 1914. Vol.I. P.771–775.

¹ Antoine Court de Gébelin. Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne, considéré dans l'histoire civile, religieuse et allégorique, ou Almanach. Nouvelle édition. Paris, 1782. T.IV. P.43. О Елене как богине Луны в поздней античности см.: Fernand Chapouthier. Les Dioscures au service d'une Déesse. Étude d'iconographie religieuse. Paris, 1935. P.231–234; Jack Lindsay. Helen of Troy. Woman and Goddess. London, 1974. P.211.

² Во французской и английской поэзии «печальная звезда» (astre mélancolique; melancholy star)—это устойчивое обозначение Луны. Из многочисленных примеров выделим близкое по теме к РОЛГ стихотворение Байрона «Солнце бессонных» (“Sun of the sleepless”) из цикла «Еврейские мелодии», которое начинается с обращения к луне: “Sun of the sleepless! melancholy star! / Whose tearful beam glows tremendously far, / That show'st the darkness thou canst not dispel, / How like art thou to joy remember'd well” (Франц. пер. А.Пишо: “Soleil de ceux qui ne goûtent plus le sommeil, astre mélancolique, don't la molle et tremblante lueur nous montre les ténèbres que tu ne peux dissiper, combien tu ressembles au souvenir du bonheur qui n'est plus!—Oeuvres complètes de Lord

На это указывает фактически тот же пейзаж, но с месяцем вместо звезды, в незавершенном черновике другого «крымского» стихотворения, «Кто видел край, где роскошью природы...»:

Когда луны сияет лик двурогой
И луч ее во мраке серебрит
Немой залив и [склон горы] отлогой... (II, 190—191)

Те признаки, которыми в РОЛГ наделена вечерняя звезда,—печальность, серебристость, лучистость— в других произведениях Пушкина, когда речь идет о небесных светилах, всегда относятся исключительно к луне.¹ Вот перечень соответствующих примеров в хронологическом порядке:

В облаках луна сребрила
Дальни небеса...
(«Козак»: I, 48)

И завес рощицы струится
Над тихо-спящею волной,
Осреребренною луной...
(«Послание к Юдину»: I, 172)

Не выдет он взглянуть на горы,
Осеребренные луной...
(«Гроб юноши», черновая редакция:
II, кн.2, 702)

На небесах печальная луна...
(первая строка стихотворения без названия:
II, 418)

Byron, traduites de l'anglais par M. A. P.... Paris, 1821. T.IV. P.349). Любопытно, что друг Байрона, композитор Исаак Натан, положивший «Еврейские мелодии» на музыку, просил поэта разъяснить, к какому светилу обращено «Солнце бессонных»—к луне или к вечерней звезде, (см.: I.Nathan. Fugitive Pieces and Reminiscences of Lord Byron. London, 1829. P.81).

¹ Отметим, что в других случаях вечерняя звезда у Пушкина либо не имеет признаков («Близ мест, где царствует Венеция златая, / Один, ночной гребец, гондолой управляя / При свете Веспера по взморию плывет»—III, 66), либо окрашена в золотой цвет: «О Делия драгая! / Спеши, моя краса; / Звезда любви **златая** / Взошла на небеса» («К Делии» I, 272); «Ночь светла; в небесном поле / Ходит Веспер **золотой**. (III, 473).

Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна...
(«Евгений Онегин», гл.5: VI, 101)

...В поле чистом,
Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
(«Евгений Онегин», гл.7: VI, 145)

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально [черновой автограф: «печальный»]
свет она.

(«Зимняя дорога»: III, 42)

Луна блистая восходила
И скал вершины серебрила...
(«Тазит»: V, 356)

Луна печально серебрила
(черновик «Тазита»: там же)

Подобная фразеология ничуть не оригинальна. «Печальная луна» появляется, например, в стихотворении В.В.Капниста «На смерть Юлии» (1794), вскоре ставшем популярной песней («Уже со тьмою ночи / Простерлась тишина, / Выходит из-за рощи / Печальная луна»¹), а также у В.Л.Пушкина в отрывке из «Кольмы» Оссиана (1795), где она к тому же еще и серебрит воды, как в РОЛГ:

Луна печальная уж осребряет воды,
А ты еще нейдешь к возлюбленной своей.²

Похожее описание находим и в оссианическом отрывке В.Олина, где, кстати сказать, лексика и рифма вершины // долины близки к соответствующим пушкинским стихам, а луна и звезда оказываются окказиональными синонимами:

Как ранняя звезда, как ясная луна,
Лиюща тихий свет на злчных гор вершины
И серебряюща источники, долины.³

¹ В.В.Капнист. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1960. Т.1. С.132.

² Приятное и полезное препровождение времени. Ч.6. М., 1795. С.118.

³ В.Олин. Отрывки из эпической поэмы Оссиана, под названием:

Укажем еще на три примера из стихотворений Батюшкова:

Красный месяц с свода ясного
Тихо льет свой луч серебряный...
(«К Филисе. Подражание Грессету»)

Как месяц в тишине великолепно шел,
Лучом серебряным долины освещая...
(«Пастух и соловей. Басня»)

Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой.
(«На развалинах замка в Швеции»)¹

Обращаясь к Венере, загримированной под луну, Пушкин скрепляет несколько традиций и их семантических полей. Во-первых, это весьма важные для предромантической поэзии и прозы традиции эротизированных описаний лунной ночи, вызывающей любовное томление и меланхолию. Во-вторых, — традиция поэтических обращений влюбленного мужчины к «золотому» Весперу/Гесперу с просьбой осветить ему путь на свидание. Она восходит к 16-й идиллии Биона, которую до конца XIX века часто приписывали Мосху. Приведем ее основной вариант в более или менее точном современном переводе:

Геспер, ты светоч златой Афродиты, любезной для сердца!
Геспер, святой и любимый, лазурных ночей украшень!
Меньше настолько луны ты, насколько всех звезд ты светлее.
Друг мой, привет! И когда к пастуху погоню мое стадо,
Вместо луны ты сиянье пошли, потому что сегодня
Чуть появилась она и сейчас же зашла. Отправляюсь
Я не на кражу, не с тем, чтобы путника ночью ограбить.
Нет, я люблю. И тебе провожать подобает влюбленных.²

Сражение при Лоре // Сын отечества. 1817. Ч.37. № 13. С.229.

¹ К.Н.Батюшков. Полное собрание стихотворений. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Н.В.Фридмана. М.: Л., 1964. С.67, 78, 172.

² Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы / Перевод и коммент. М.Е.Грaбарь-Пассек. М., 1958. С.179. Интересно, что Джакомо Леопарди в примечании к своему переводу этой идиллии отметил ее сходство с «Гимном Луне» («A Hymn to the Moon») английской писательницы Мэри Монтегю (см.: The Works of the Right Honorable Lady Mary Wortley Montagu ... in five

Д.П.Якубович, назвавший идиллию Биона «эллинским первообразом» РОЛГ, предположил, что Пушкин познакомился с нею по антологии своего лицейского учителя Н.Ф.Кошанского «Цветы греческой поэзии» (1811), куда вошли ее прозаический пересказ, неуклюжий поэтический перевод и комментарий.¹ Интересно, что Кошанский почему-то полагал, что «сие приветствие Гесперу» написано в «духе уныния» и, прочитав его, «невольно придешь в некоторую томную меланхолию»²—характеристика, более соответствующая элегическому РОЛГ, нежели весьма бодрому античному образцу. Можно с уверенностью утверждать также, что Пушкин знал и по крайней мере один из французских источников Кошанского—прозаический перевод идиллий Биона и Мосха, выполненный Жульеном-Жаком Мутонне де Клерфоном (Moutonnet de Clairfons, 1740—1813).³ Впрочем, интерес к образу вечерней звезды у него должны

volumes. London, 1803. Vol.V. P.226—227), где, как и у Пушкина, смешаны атрибуты Луны и Венеры (Opere di Giacomo Leopardi. Edizione accresciuta, ordinata e corretta da Antonio Ranieri. Napoli, 1860. P.177). В итальянской и французской культуре «Гимн Луне» был известен благодаря похвалам Альгаротти, который привел его английский текст в своих «Размышлениях на разные темы» (см.: Oeuvres du Comte Algarotti. Traduit de l'Italien. Berlin, 1772. Vol.V. P.322).

¹ Д.П.Якубович. Античность в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. М.; Л., 1941. С.132—133.

² Цветы греческой поэзии, изданные Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором Российской и латинской словесности при императорском Царско-Сельском Лицее, М., 1811. С.97. В качестве русской параллели к идиллии Кошанский приводит обращение к «печальной луне» в стихотворении Капниста «На смерть Юлии», о котором речь шла выше (там же. С.103).

³ Moutonnet de Clairfon. Anacréon, Sapho, Bion, Moschus, Théocrite, Musée, La veillée des fêtes de Vénus, Choix de Poésies de Catulle, d'Horace et de différens Auteurs / Seconde Édition, revue et corrigé. Paris, 1781. T.2. P.1—2 («Вечерняя звезда» напечатана как первая идиллия Мосха под заглавием «Молитва пастуха»—“Priere d'un Berger”). Чтобы убедиться в том, что Кошанский отталкивался от указанного источника, сравним начало переводов:

Кошанский (С.282)

Мутонне де Клерфон

О Геспер тихий и прелестный!
Краса полунощи, Киприды свет любезный,
Приветствую тебя!

Hespérus, brillante lumière de l'aimable
Cythérée, je te salue, Étoile chéri, le plus
bel ornement d'une nuit azurée!

О знакомстве Пушкина с переводами Мутонне де Клерфона свидетельствует его стихотворение «Земля и море» (1821), переложение пятой идиллии Мосха, написанное примерно в то же время, что и РОЛГ, и включенное вместе с последним в раздел «Подражания древним» сборника «Стихотворения» 1826 года. С давних пор считается, что главным источником Пушкина был

были возбудить не какие-то конкретные переводы, а сама богатая французская (и шире—западноевропейская) традиция поэтических обработок идиллии, указывавшая на ее большой литературный вес и пригодность для адаптации к разным жанровым и стилистическим модусам,—традиция, на которую Пушкин ориентировался и к которой стремился присоединиться.¹ Среди известных французских

вольный стихотворный перевод Кошанского, напечатанный под названием «К спокойствию» в его «Цветях греческой поэзии» (текст перевода, историю вопроса и обоснование общепринятой точки зрения см. в последней по времени работе: С.А.Кибальник. Идиллия Пушкина «Земля и море» (Источники, жанровая форма и поэтический смысл) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С.178—197). В действительности же, как показывает сопоставительный анализ текстов, главным источником «Земли и моря» явился прозаический перевод Мутонне де Клерфона “*Son amour pour la tranquillité*” («Его любовь к спокойствию»; далее цит. по: Moutonnet de Clairfon. *Anacréon, Sapho, Bion, Moschus, Théocrite...* T.2. P.29—30). Вот наиболее явные лексико-грамматические схождения, которые отсутствуют в переводе Кошанского:

Пушкин

Moutonnet de Clairfon

Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной блещут

mais quand l'onde ... mugit horriblement, ... que
les vagues ... s'élevent à gros bouillons pleins
d'écume

Я удаляюсь от морей
Земля мне кажется верней
рыбак суровый:

je m'éloigne de la mer
Le terre ... me paroît un séjour plus sûr
Le pêcheur ... mène une vie bien dure ...

Живет на утлом он челне

sa maison, c'est une frêle barque

Судя по совпадению названий и нескольких мотивов в начальных стихах, Кошанский тоже пользовался переводом Мутонне де Клерфона, чем объясняются давно замеченные пушкинистами лексические совпадения первых семи стихов его переложения с «Землей и морем». Но кроме того у него был и другой французский источник, за которым он близко следовал во второй части текста, начиная с восьмого стиха: вольный прозаический перевод аббата Купе (*abbé Jean-Marie Coupé, 1732—1818*) “*Le bonheur des champs*” («Сельское блаженство»: *J.M.L.Coupé. Les soirées littéraires, ou Mélanges de Traductions nouvelles des plus beaux morceaux de l'Antiquité...* Paris, an VII (1799). T.XIII. P.237—238).

¹ То же самое можно сказать и об идиллии «Земля и море» и ее древнегреческом источнике, к которому до Пушкина обращались многие французские поэты. Б.В.Томашевский указал, что необычный для передачи античных гекзаметров метр стихотворения (четырёхстопный ямб), а также образ грозы, отсутствующий как в оригинале, так и у Кошанского, восходят к переложению идиллии Мосха, названному ее автором, французским поэтом Николая-Жерменом Леонаром, “*Les plaisirs du rivage*” («Радости [морского] берега». См.: Б.В.Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960. С.450). Кроме того, у Пушкина звучат отголоски двух других французских переводов идиллии, барона де

поэтов, в разное время перелавших идиллию Биона, внимание Пушкина в первую очередь могли привлечь Ронсар (ода XX из четвертой книги «Од») и Пьер Франсуа Тиссо, любимый ученик и последователь Парни (“L’amant à l’étoile du soir”). Конечно же, Пушкин помнил переложение Андре Шенье (“Élégie IV, tirée d’une idylle de Moschus”), напечатанное в том самом сборнике стихотворений последнего, который он изучал еще в конце 1819 года в Петербурге, а потом в Гурзуфе.¹ В каждом из этих переводов имеются отсутствующие в оригинале подробности, которые при желании нетрудно сблизить с РОЛГ. Так, Ронсар вводит в описание элемент приморского пейзажа—Вesper у него должен погрузиться в «морской исток» (“la marine source”);² Тиссо повторяет и варьирует обращения к «вечерней звезде» (“Astre de soir, astre de Cythérée ... Astre d’Amour”) и дает возлюбленной лирического героя имя Адели (“Adele ici m’attend avec l’Amour”).³ Наконец, Шенье изменяет финал идиллии, завершая ее

Лонжпьера (см.: [Hilaire Bernard de Requeleyne Longepierre.] Les idylles de Bion et de Moschus, Traduites de Grec en Vers François, Avec des Remarques. Paris, 1686. P.167—168) и Пуансине де Сиври (см.: Anacréon, Sapho, Moschus, Bion et autres poetes Grecs, traduits en vers français par Poinset de Sivry. Cinquième édition, augmentée. Paris, An V (1797). P.119—120). В «Земле и море» можно усмотреть и полемический ответ на переложение хорошо известного Пушкину Экушара Лебрена (по мнению Б.В.Томашевского, «возвышенного галла» оды «Вольность»: см.: Б.В.Томашевский. Пушкин и Франция. С.315—359), который украсил идиллию рядом дополнений, вводя в нее любовную тему и несколько классических имен: Фетида, Цитера, Диана, Борей, Нерей, Кибела, отсутствующих в оригинале (Oeuvres de Ponce Denis (Écouchard) Le Brun... Mises en ordre et publiées par P.L.Ginguené... Paris, 1811. T.II. P.96—97). Пушкин, как и Лебрен, в нескольких местах расцветчивает простую схему идиллии, но у него это не ложноклассический орнаментализм, а реминисценции батюшковского поэтического языка, придающие тексту характер элегии (см.: Н.Элиаш. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. XIX-XX. Пг., 1914. С.32; А.Р.Зарецкий. Об идиллии Пушкина «Земля и море» // Университетский Пушкинский сборник. М., 1999. С.340—346; О.А.Проскурин. Поэзия Пушкина, или подвижный палимпсест. М., 1999. С.96). Любопытно, что почти одновременно с Пушкиным идиллию Мосха в сходном ключе транспонировали Шелли в Англии и Леопарди в Италии—свидетельство ее актуальности для нового романтического стиля.

¹ С. А. Кибальник по недоразумению счел это стихотворение Шенье обращением не к «прекрасной звезде Венеры» (“bel astre de Vénus”), а к Диане, заметив при этом, что Пушкин в РОЛГ мог на него ориентироваться (С.А.Кибальник. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. С.178).

² Ronsard. Oeuvres complètes. P.822—823.

³ P. F. Tissot. Baisers et élégies de Jean Second, avec le texte latin, ... suivis de quelques baisers inédits. Paris, 1806. P.167—168. Затем переложение Тиссо

эффектным сравнением «обожасмой нимфы, прекрасной и среди красавиц» с «украшением ночи»—с «прекрасной звездой Венеры», льющей свой «чистый свет» среди «других светил, ведомых Дианой»:

J'aime: je vais trouver des ardeurs mutuelles,
Une nymphe adorée, et belle entre les belles,
Comme, parmi les feux que Diane conduit,
Brillent tes feux si purs, ornement de la nuit.¹

Несмотря на все эти и некоторые другие новации, общий смысл идиллии во всех случаях остается неизменным: вечерняя звезда изображается как покровительница любящих, как предшественница и/или заместительница луны, временно выполняющая ее осветительные функции.² Столь важные для РОЛГ элегические мотивы воспоминания, тоски по прошлому, где «все для сердца мило», не находят

было напечатано по крайней мере дважды, в «Альманахе Муз» и в сборнике лучших стихотворений в жанре легкой поэзии за 1800—1810 гг.: *Almanach des Muses, ou Choix de poésies fugitives de 1807* (Vol.44). Paris, 1808. P.146; *Choix décennal de Poésies légères depuis l'an 1800*. Paris, 1810. P.215.

¹ *Oeuvres d'André de Chénier*. Gand, 1819. P.28. Сравнение Шенье можно считать глубоким подтекстом финала РОЛГ, где «дева юная» появляется среди подруг и имплицитно отождествляется с вечерней звездой. Его также следует учитывать как возможную параллель к известным стихам в «Евгении Онегине»: «У ночи много звезд прелестных, / Красавиц много на Москве. / Но ярче всех подруг небесных / Луна в воздушной синеве, — / Но та, которую не смею / Тревожить лирою моею, / Как величавая луна / Средь жен и дев блестит одна...» (анализ других параллелей см.: И.Г.Добродомов, И.А.Пильщиков. *Лексика и фразеология «Евгения Онегина»*. Герменевтические очерки. М., 2008. С.170—180).

² Ср. хрестоматийное для предромантической и романтической поэзии описание наступления ночи в четвертой книге «Потерянного рая» Мильтона: “...Now glow'd the firmament / With living sapphires: Hesperus, that led / The starry host, rode brightest, till the Moon, / Rising in clouded majesty, at length / Apparent queen, unweil'd her peerless light, / And o'er the dark her silver mantle grew” (ст. 604—609; букв. пер.: «...Вот засияла твердь / живыми сапфирами: Геспер, который возглавил / звездную рать, гарцевал всех ярче, пока луна, / поднявшаяся во всем своем облачном величии, / истинная королева, не сняла наконец покров со своего несравненного света / и не набросила на тьму сфербистую мантию»). Пушкин должен был знать этот фрагмент по стихотворному переводу Жака Делиля (*Paradis perdu, traduit par Jacques Delille*. Paris, 1805. T.2. P.50) и по «Гению Христианства» Шатобриана, где весь пассаж переведен прекрасной прозой (*Chateaubriand. Génie du Christianisme. Édition établie par Pierre Reboul*. Paris, 1966. T.I. P.252).

во французских поэтических переводах идиллии Биона никаких соответствий.

Однако, как продемонстрировал американский исследователь Джеффри Хартман в превосходной статье «Вечерняя звезда и вечерняя земля» (“Evening Star and Evening Land”), именно эти мотивы постепенно выходят на первый план в английской предромантической поэзии.¹ Во Франции и в России, кажется, осталась незамеченной проанализированная Хартманом ода «Вечерней звезде» (“To the Evening Star”, 1744) английского поэта Марка Эйкенсайда, в которой лирический герой, оплакивающий умершую возлюбленную, обращается к Гесперу с просьбой послушать его печальную песнь и отвести к тем посеребренным ручьям и рощам, где когда-то они гуляли вместе с «прекрасной Олимпией» и где он теперь хочет внимать нежному голосу соловья и вспоминать былое.² Зато другое обращение к вечерней звезде в том же меланхолическом ключе—начало поэмы Оссиана/Макферсона «Песни в Сельме»—пользовалось поистине всевропейской известностью. По данным Ю.Д.Левина, к 1820 году в России было опубликовано семь полных переводов «Песен в Сельме»—три прозаических (Н.М.Карамзин, Е.И.Костров, В.Литвинов) и четыре поэтических (П.С.Политковский, Н.И.Гнедич, П.А.Катенин, Н.Ф.Грамматин).³ Прочитываем открывающее поэму обращение к вечерней звезде в переводе Ермила Кострова, поскольку знакомство Пушкина с его Оссианом не вызывает никаких сомнений.⁴

Вечерняя звезда, любезная подруга ночи, возвышающая
блистательное чело свое из облаков запада, и шествующая ве-
личественными стопами по лазори небесной! что привлекает
взор твой на долине? Бурные дня ветры молчат; шум источни-
ка удалился; усмирненные волны ласкаются у подножия скалы;
... Лучезарная! что привлекает взор твой на долине? Но я вижу,
ты с нежною усмешкою преклоняешься на края горизонта.

¹ См.: Geoffrey H.Hartman. The Fate of Reading and Other Essays. Chicago and London, 1975. P.147—178.

² Mark Akenside. The Poetical Works, in two volumes. Collated with the best editions by Thomas Park, esq. F.S.A. London, 1805. Vol.2. P.38—41. Из всех произведений Эйкенсайда на французский и русский язык переводилась только его большая дескриптивная поэма «Об уладах воображения» (“The Pleasures of Imagination”, 1744). См. о ней: Ю.Д.Левин. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С.197, 204; Т. Смолярова. Зримая лирика. Державин. М., 2011. С.205—216.

³ Ю.Д.Левин. Оссиан в русской литературе. Л., 1980 (по указателям).

⁴ См.: там же. С.96, 136 (прим.7).

Волны радостно стекаются вокруг тебя, и омывают твои блестящие власы. — Прости молчаливая звезда! пусть огонь моего духа сияет вместо лучей твоих. Я чувствую, он возрождается во всей своей силе, при его сиянии я вижу тени друзей моих...¹

Комментируя начало «Песен в Сельме», Хартман обратил внимание на то, что вечерняя звезда Оссиана быстро исчезает, уступая место не Луне, а свету «души Оссиановой» (англ. “the light of Ossian’s soul”). «Этот свет,— пишет он,— память, матрица эпического искусства. Душу Оссиана воспаляют воспоминания о мертвых друзьях, героях и бардах, которые прежде ежегодно собирались в Сельме. Вечерняя звезда приводит нас не к луне и ее яркой эпифании, но к памяти—к умирающим голосам из прошлого».² Если заменить эпическое искусство на элегическую поэзию, а воспоминания о мертвых друзьях на воспоминания о потерянном крымском рае, населенном юными девами, то наблюдения Хартмана можно переадресовать РОЛГ. В сходных горно-морских декорациях (ср. словесные совпадения с переводом Кострова: вечерняя звезда, подруга, ночь, облака, небесная, долина, шум/шумят, волны, скалы, нежный, луч, тень) Пушкин разыгрывает элегическую вариацию на оссианову тему воспоминаний, разбуженных вечерней звездой. Они вызывают у лирического героя «сладкую меланхолию», составляющую, по Гердеру, «господствующий тон элегической поэзии».³ Даже траурные мотивы, играющие столь важную роль у Оссиана, исподволь прорываются в идиллический пейзаж, когда рядом с «нежным миртом», традиционным символом жизни, молодости и любви,⁴ появляется «темный кипарис»—символ смерти и печали.

¹ Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: гальские стихотворения. Переведены с французского Е.Костровым. М., 1792. Ч.1. С.281—282.

² Geoffrey H.Hartman. The Fate of Reading and Other Essays. P.165.

³ В.Э.Вацуру. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С.59.

⁴ В античной и неоклассической традиции мирт—дерево, посвященное Афродите/Венере (См. подробнее: L’abbé de la Chau. Dissertation sur les attributs de Vénus. Paris, 1776. P.80—82). У Елены Троянской тоже было свое дерево: платан, о чем говорилось еще в XVIII идиллии Феокрита «Эпиталамий Елены» (Феокрит. Моск. Бюб. Идиллии и эпиграммы. С.86). Любопытно, что в своем переводе элегии Мильвуа «Бегство Елены» А.Ф.Раевский сделал ошибку, превратив древо Елены (“l’arbre d’Hélène”), то есть платан, именно в «нежный мирт»: «Погибни, нежный мирт, Елене посвященный!» (Французская элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: Сборник / Сост. В.Э.Вацуру. Комментарии В.Э.Вацуру и В.А.Мильчиной. М., 1989. P.273; первая публикация перевода: Вестник Европы. Ч.121. 1821. №24. С.293—296).

Согласно Хартману, два имени и два лика Венеры—вечерний (Геспер/Веспер) и утренний (Фосфор/Люцифер)—символизируют непрерывность, которая сохраняется в ситуации видимой потери.¹ В этой связи Хартман цитирует эпитафию, написанную Платоном своему любимцу по имени Астер, умершему в расцвете лет:

Прежде звездой рассветной светил ты. Астер мой, живущим,
Мертвым ты, мертвый теперь, светишь закатной звездой.²

Платон обыгрывает буквальное значение имени юноши (др.-греч.: звезда), уподобляя его короткую, но яркую жизнь утренней звезде, а посмертную память о нем—звезде вечерней: Астер умирает, но его имя продолжает жить в веках, как бы воплотившись в свое означаемое. Эпитафия Астеру возвращает нас к посмертной судьбе Елены Прекрасной, которая после физической смерти также превращается в светило, причем Венера, наряду с луной или блуждающими звездами, входит в ряд ее возможных воплощений, мотивированных традицией. Еще в «Истории» Геродота (кн. II, 112) рассказывалось о храме в Мемфисе, посвященном «Чужеземной Афродите», который на самом деле, как предполагает Геродот, являлся «храмом Елены, дочери Тиндарея».³ Исследователи отмечают ряд примеров в поздней античности, когда Елена начинает ассоциироваться с Венерой, а ее звезде переадресовывается один из самых важных эпитетов богини любви: Урания (небесная; в противоположность «Пандемос»—земная).⁴ Эта

¹ Geoffrey H. Hartman. *The Fate of Reading and Other Essays*. P.150—151.

² Греческая эпитаграмма. М., 1960. С.56 (пер. Л.Блуменау). Пушкин мог знать эту эпитафию по какому-то французскому переводу. Ср., например: "Aster, étoile du matin, autrefois tu brillois ici-bas; à present, étoile du soir, tu reluis dans les champs Elisées" (*Les vies des plus illustres philosophes de l'antiquité ... traduites du Grec de Diogène Laerce*. Amsterdam, 1761. P.205). "Comme un astre du soir tu vas briller encore / Bel Aster; mais hélas! Ce ciel n'a plus d'aurore" (*Pensées de Platon sur la religion, la morale, la politique, recueillies et traduites par M. Jos.-Vict. Le Clerk*. Paris, 1819. P.XVII).

³ Геродот. *История в девяти книгах*. Л., 1972. С.113. Ср. французский перевод XVIII века: *Histoire d'Hérodote, traduite du Grec, ... par M. Larcher*. Paris, 1786. Т.II. P.87. Переводчик Геродота Пьер Анри Ларше (1726—1812) обсуждал это странное, на его взгляд, отождествление Венеры и Елены Троянской в своем «Трактате о Венере», объясняя его недостатком деликатности у древних (*Mémoire sur Vénus, ... par M. Larcher*. Paris, 1775. P.35—36).

⁴ H. Usener. *Kleine Schriften*. Leipzig; Berlin, 1913. Band 4. S.70; Arthur Bernard Cook. *Zeus God of the Bright Sky*. Vol.I. P.773; Fernand Chapouthier. *Les Dioscures au service d'une Déesse*. P. 141, 145-146; Jack Lindsay. *Helen of Troy. Woman and Goddess*. P.211.

традиция, похоже, дожила до Нового времени, о чем свидетельствует один из посмертных панегириков самой знаменитой Елене XVII—XVIII веков—итальянке Елене Корнаро (Elena Lucrezia Cornaro Piscopia, 1646—1684), прославившейся своей ученостью (она знала много языков и была первой женщиной, получившей степень доктора наук), красотой и целомудрием (она дала обет безбрачия и отвергла самых завидных женихов). Интересующее нас место в старом французском переводе читается так:

On nous dit qu'Helene est l'étoile de Venus, qui brille dans les champs empirées, et que n'ayant laissé sur la terre aucun héritier de ses vertus, elle va donner au ciel de ses enfans, en épousant le soleil.¹

[Говорят, что Елена—это звезда Венеры, которая сияет в эмпиреях, и что, не оставив на земле наследника своим добродетелям, она подарит детей небу, обвенчавшись с солнцем.]

Поскольку со звездой Венеры здесь отождествляется девственность, образец христианских добродетелей, ясно, что речь идет именно о небесной, возвышенной, неплотской Венере-Урании. Подобно Платону в эпитафии Астеру, автор отталкивается от значения имени Елена, которое обычно связывали с идеей света, возводили к греческому существительному, означавшему факел, светоч, и считали женским родом от слова «гелиос», то есть солнце.² В этом смысле любая Елена имеет право называть своим именем любое небесное светило, включая, конечно, и вечернюю звезду. Даже если Елена Раевская ничего не знала об отождествлениях Афродиты/Венеры с Еленой Троянской, не слышала о Елене Корнаро, не изучала античных авторов, писавших о звезде Елены, не читала ни Еврипида, ни «Сонеты к Елене» Ронсара, ни справочники по астрономике и мифологии, сама семантика ее имени, вкуче с его сильными античными коннотациями, давала ей—единственной из четырех сестер—достаточные основания для того, чтобы считать Венеру (или какую-нибудь иную яркую звезду на Таврическом вечернем небосклоне³) своей соименницей.

¹ Bibliotheque universelle et Historique [de l'année 1687]. Amsterdam, 1687. T.6. P.235. Тот же перевод был напечатан во втором издании «Библиотеки» (Amsterdam, 1705. T.5. P.203—204), а также в книге: [Guilio Roberto di Sanseverino] Les vies des hommes et des femmes illustres d'Italie, depuis le Rétablissement des Sciences et des beaux Arts. Paris, 1767. T.II. P.108 (второе исправленное издание: Yverdon, 1768; немецкий перевод: 1769).

² Antoine Court de Gébelin. Monde primitif.... Nouvelle édition. T.IV. P.489.

³ По подсчетам петербургского астронома-любителя Н.Н.Кузнецова,

Все вышеизложенное позволяет предположить, что «девой юной» РОЛГ, как и адресатом элегии «Увы! зачем она блистает...», была Елена Раевская. Это отнюдь не значит, что мы предлагаем новую (или, вернее, самую старую) кандидатуру на вакансию «утаенной любви» Пушкина. Скорее всего, прав Ю.М.Лотман, считавший, что никакой «утаенной любви» вообще не было, а была литературная игра в нее, призванная заставить читателя поверить в биографическую легенду о безнадежной любви автора к прекрасной, но неприступной деве.¹ Другое дело, что для этой игры Пушкину требовались реперные точки в реальной жизни, по которым читатель мог бы строить догадки о связях событий поэтического текста с событиями биографии поэта. Как он напишет в «Путешествии Онегина», в начале 1820-х годов ему

...казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья... (VI, 200)

Иными словами, молодому Пушкину требовалась именно эгетическая или поэтическая красавица, то есть такой женский образ, который был бы связан с крымским антиклизированным локусом и вписывался в жанрово-тематическую матрицу. Елена Раевская— «чахоточная дева», чья недолговечная, минутная красота словно бы реализовала один из главных топосов «унылой элегии», любительница Байрона, которой, как можно предположить, была не чужда романтическая мечтательность,—подходила для этой роли значительно лучше, чем ее сестры: еще совсем «гадкий утенок» Мария и уже впол-

Пушкин не мог наблюдать Венеру на крымском вечернем небе в 1820 году, так как тогда она была видима только как утренняя звезда. Скорее всего, он, его «эгетическая красавица» и/или какие-то еще наблюдатели звездного неба приняли за Венеру одну из двух других планет —либо Юпитер, либо Сатурн (Н. Н.Кузнецов. «Вечерняя звезда» в одном стихотворении Пушкина // Мирозведение. 1923, № 1 (44). С. 88—89). В поэтическом мире, однако, законы природы не имеют силы, и движение звезд и планет подчиняется воле поэта, обычно мало сведущего в астрономии. Только крайне наивные исследователи могут утверждать, что «мы можем вполне доверять его [Пушкина] поэтическим утверждениям: если видел Венеру, значит это было на самом деле» ([М.Б.Строганов.] Венера // Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Материалы к энциклопедии в двух частях. Ч.1: А—К.Тверь, 2002. С.58).

¹ Ю.М.Лотман. Пушкин: биография писателя... С.68—71. См. также важные соображения О.А.Проскурина в его комментарии к «Бахчисарайскому фонтану» (Пушкин. Сочинения ... Вып. 1: Поэмы и повести. С.282—283).

не сформировавшаяся, властная, решительная Екатерина, которую Пушкин потом сравнит с Мариной Мнишек.

Пытаясь объяснить, почему Пушкин изначально запретил Бестужеву печатать последние три стиха РОЛГ, Ю.М.Лотман писал:

Этим он, прежде всего, привлекал к ним внимание, давая понять, что они содержат важную для автора тайну (что из самого текста как такового совсем не очевидно). Если считать, что цель Пушкина состояла в сохранении тайны, а не в создании вокруг элегии атмосферы таинственности, то почему автор предлагал не печатать последние три стиха, а не два (стиху «Когда на хижины сходила ночи тень» легко можно было в печатном варианте придать синтаксическую законченность)? Если бы Бестужев исполнил требования Пушкина, то стихотворение получило бы в печати вид незаконченного отрывка, интригующе обрывающегося таким образом, что последний стих лишен рифмующейся с ним пары. В сочетании с устным известием о том, что конец не мог быть опубликован из-за его интимности (а это обстоятельство стало бы достоянием определенного круга читателей), такая публикация окружила бы элегию тайной и тесно бы связала ее с биографической легендой.¹

Объяснение Лотмана представляется абсолютно убедительным, но оно не исключает и существования каких-то личных причин биографического плана. Судя по тому, что позднее, в собраниях стихотворений 1826 и 1829 годов, когда крымский эпизод уже потерял актуальность для биографической легенды, а публикация в «Полярной звезде» забылась, Пушкин печатал РОЛГ без последних трех стихов, даже не обозначив пропуск точками, у него, вероятно, были какие-то обязательства перед «элегической красавицей». В черновике письма к Бестужеву от 12 января 1824 года есть упоминание о том, что та женщина, к которой относится РОЛГ, первой прочла элегию (XIII, 386) и, как можно понять, не разрешила Пушкину предавать гласности стихи об имени звезды. Не исключено, что по тем же соображениям Пушкин заменил эпитет «Таврические» перед «волны» в 11-м стихе на «полуденные» (см. II, кн.2, 637), а затем отказался от заглавия «Таврическая звезда», явно избегая прямой локализации и вместе с нею того, что П.В.Анненков назвал в примечании к РОЛГ «неосно-

¹ Ю.М.Лотман. Пушкин: биография писателя... С.69.

вательными применениями».¹ Здесь, вероятно, уместно вспомнить о том, какие строгие нравы царили в семье Раевских по части охраны девичьей чести. Уже в 1860-е годы Екатерина Николаевна, как сообщил Я.К.Грот, решительно отвергла «недавно напечатанное сведение, будто Пушкин учился там [в Гурзуфе] под ее руководством английскому языку. Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н.Н.Раевского в Юрзуфе читал Байрона, и что, когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали паверх к Катерине Николаевне за справкой».² Воспитанная в подобных правилах, которые, как следует из слов Екатерины Николаевны, запрещали общение с молодыми людьми без родительского надзора, «элегическая красавица», вероятно, могла полагать, что пушкинские поэтические воспоминания о вечерних прогулках у моря и подслушанных девичьих разговорах, не предназначавшихся для чужих ушей, способны ее скомпрометировать. Что же касается обрыва текста на слове «лень», оставшемся без рифмы, то нам стоит обратить внимание на его звуковой состав: ведь оно перекликается с неназванным именем героини элегии—Елены.³

¹ Сочинения Пушкина. Изд. П.В.Анненкова. СПб., 1855. Т.2. С.277.

² Воспоминания Е.Н.Раевской в записи Я.К.Грота // Пушкин в воспоминаниях современников / 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т.1. С.211.

³ Тем же словом заканчивается и неотделанная крымская элегия «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821): «Приду ли вновь под сладостные тени / Душой уснуть на лоне мирной лени?» (II, 191). Повторение консонантной основы имени Елена/Hélepe, звуков л—н, и гласной е в последнем стихе: «на лоне ... лени» позволяет подозревать явление, сходное с тем, которое В.Н.Топоров описал для скрытого имени Марии Лазич в лирике Фета: «не столько анаграмму имени, сколько отсылку к некоему его соответствию, его знаку, звуковой теме, и все ради того, чтобы через имя сбереечь и милый образ» (В.Н.Топоров. К исследованию анаграмматических структур (анализы). ... II. «Скрытое» имя в русской поэзии // Исследования по структуре текста. М., 1987. С.220). Элегическая героиня в «Кто видел край...» получает условное литературное имя Эльвина, введенное в русскую поэзию балладой Жуковского «Эльвина и Эдвин» (1815). Оно, как легко заметить, созвучно и равносложно имени Елена, причем его звуковая фактура подчеркивается аллитерациями и ассонансами в соседних словах: «Златой предел! Любимый край Эльвины, / Туда летят желанья мои!».

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012